

© 1996 г., ЭО, № 4

К. П. Калиновская

О КОЧЕВНИЧЕСТВЕ В СВЯЗИ С КНИГОЙ В. В. МАТВЕЕВА «СРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕВЕРНАЯ АФРИКА» *

Прошло почти 30 лет с тех пор, как появились работы, в которых, наряду с детальным исследованием истории кочевых и полукочевых народов Азии, была сформулирована принципиально новая концепция номадизма как самостоятельного «кочевого» способа производства и подвергнута критике господствовавшая до этого времени в советской науке доктрина о господстве у номадов феодальных отношений¹. Одни авторы называли эти отношения «кочевым феодализмом», другие — «патриархально-феодальными».

Вслед за указанными работами вышел ряд новых исследований, в которых на основании значительного фактического материала также показывалась ошибочность «феодальной» гипотезы относительно кочевничества². В развернувшихся позднее дискуссиях число противников «феодального» подхода к номадам возросло. При этом ими высказывались разные точки зрения об общественном строе номадов, хотя они в целом опровергали построения «феодалистов»³. Последняя дискуссия развернулась на страницах журнала «Советская этнография» в 1981—1982 гг. В ходе этой дискуссии было высказано немало ценных мыслей, уточнявших и дополнявших концепцию о своеобразии социального строя кочевых обществ⁴.

За прошедшие несколько лет были опубликованы новые работы, развивавшие идею о самостоятельности номадного способа производства⁵ и о его особенностях⁶. Исследования по скотоводческим народам Восточной Африки показали универсальность законов общественного развития всех подвижных скотоводческих народов и наличие в кочевничестве вариантов в виде «африканского» номадизма, более архаичного, чем «азиатский».

Таким образом, к настоящему времени сформировался научный подход к трактовке кочевых обществ как самостоятельного хозяйственно-культурного типа и, соответственно, способа производства, который основан на экстенсивном подвижном пастбищном скотоводстве — главном способе жизнеобеспечения (не исключающим второстепенных видов занятий в этих обществах), общино-племенном владении и пользовании пастбищами и водными источниками, частной семейной собственности на скот. При этом в обществе номадов могло возникать достаточно сильное имущественное и социальное расслоение, что, однако, не вело к возникновению у них монопольной наследственной сословной собственности на средства производства. В тех же случаях, когда таковая возникала, это означало, что кочевники переходят к оседлости, изменяется их хозяйственно-культурный тип, и, соответственно, способ производства, т. е. в этих случаях это уже не были общества номадов. Для кочевых обществ обязательна общино-племенная структура, основанная на системе патриархально-генеалогических связей.

С учетом сказанного значительный интерес представляет фундаментальный труд В. В. Матвеева «Средневековая Северная Африка». В нем на основе огромного этнографического материала показан ход политического, экономического и общественного развития населения Северной Африки до, в процессе и после завоевания региона арабами⁷. Эта работа имеет немаловажное значение для анализа не только конкретной этнической и политической истории Северной Африки, но и для теории номадизма в целом. Именно поэтому необходимо остановиться подробнее на рассмотрении этой книги.

Автор посвящает свою работу одному из исторически значимых и вместе с тем «туманным» из-за слабой осведомленности в памятниках периоду истории Северной Африки — ее средневековью. Исходя из характера общественного развития народов региона, этот период в науке традиционно определялся как феодальный. Данное определение долгое время не вызывало сомнений у востоковедов и африканистов.

В. В. Матвеев, специалист по арабским источникам по этнографии и истории Африки, поставил перед собой сложную задачу собрать воедино сведения об истории Северной Африки в VII—IX вв. и критически их проанализировать.

Кропотливая работа ученого принесла значительный научный результат. Собранные им письменные свидетельства арабских авторов показали, что общественные отношения в Северной Африке в

* См.: Матвеев В. В. Средневековая Северная Африка. М., 1993. Летом 1995 г. автор этой книги безвременно ушел из жизни.

средневековье не могут быть оценены однозначно как феодальные. Главное достижение автора книги заключено в его совершенно новом подходе к известным процессам, происходившим здесь в этот период. Он установил, что феодальному средневековью в регионе предшествовал этап до и в течение раннего периода арабского завоевания Северной Африки, когда здесь сосуществовали два хозяйственно-культурные типа — земледелие и кочевое и полукочевое скотоводство, находившиеся в естественном взаимодействии. Скотоводческие общества находились на патриархально-племенном уровне развития.

В. В. Матвеев установил, что постоянное взаимодействие двух хозяйственно-культурных типов, а, соответственно, и двух групп населения Северной Африки, с одной стороны, и возrastавшее давление на местные народы кочевых арабских племен, с другой, явились той экономической, политической и культурной базой, на которой в VII—IX вв. в Северной Африке еще не сложилась система феодальных отношений, однако, уже шел процесс их развития в среде оседлого населения Алжира, Туниса и Марокко. Однако в целом этот процесс еще не был завершен.

На основе многочисленных данных автор книги делает и другой, не менее важный вывод: в Северной Африке кочевой элемент — племена берберов — был постоянно действующим фактором в процессе развития и формирования экономических отношений и социальной структуры оседлого земледельческого населения региона. Приход арабов, как подчеркивает В. В. Матвеев, существенно изменил характер развития местных обществ, еще более усилил значение кочевого элемента в процессе деформации традиционного общества в период средневековья (с. 19—20).

Основываясь на арабских письменных источниках, В. В. Матвеев справедливо отмечает, что феодальные отношения развивались только в среде оседло-земледельческих обществ, но не у кочевников-берберов. И это при том, что факты свидетельствуют: установление правящих династий в земледельческих обществах происходило из среды кочевников (с. 20 и др.). Выводы В. В. Матвеева подтверждают заключение отечественных кочевниковедов, что при наличии в обществе наследуемой основной власти мы имеем не номадов, а осевших кочевников, а следовательно, и другое общество⁸. Новая теория кочевого общества, возникшая на основе материалов по Азии, а затем по Восточной Африке, получила свое подтверждение и на материалах по Северной Африке.

Далее В. В. Матвеев доказал ошибочность утверждения, что все земли в Северной Африке были поделены между воинами-завоевателями. Он аргументированно доказал, что государственная форма собственности на землю в VII—IX вв. господствовала, хотя имели место случаи и частного владения (с. 153—156). Автор справедливо считает, что «покинутые» местным населением земли составили, видимо, фонд, из которого и возникло частное владение. Причем, эта мелкая земельная собственность была опять-таки подчинена приоритету государственной собственности, что выражалось в обязанности уплаты новыми владельцами сначала дани, а затем и налогов с этих земель (с. 156).

На основе исследования земельных отношений В. В. Матвеев определяет период VIII—IX вв. для обществ Северной Африки как «переходный» от традиционных кочевых и оседлых доарабского периода. Автор делает важный вывод о том, что доступные источники «не позволяют квалифицировать крупные земельные владения как феодальную собственность. А поскольку известия о них единичны, то нет возможности говорить и о частном феодальном землевладении как системе» (с. 157, 162). Это новый подход к формационной принадлежности североафриканских обществ до арабского завоевания и в первоначальный его период.

В процессе оседания кочевых обществ, даже при наличии в их экономике отгонного скотоводства, система социальных отношений настолько изменяется, что перед нами предстает другая социальная структура. Это уже не кочевое общество, а оседлое, с иным хозяйственно-культурным типом и способом производства. Данной позиции относительно кочевого общества придерживается и В. В. Матвеев, утверждая, что в результате разрушения старых патриархальных связей в социальной системе новый господствующий «класс терял социальную, политическую и военную опору и погибал» (с. 250). Эти материалы подтверждают суть исторической закономерности, заключающейся в том, что кочевники не могли создать государства и что для их общества невозможны классовая структура и монополия собственности на средства производства.

Книга В. В. Матвеева, несомненно, крупное и новаторское исследование. Оно не может не вызвать пристального внимания конкретных специалистов к некоторым сторонам рассуждений автора.

Мне представляется, что историко-фактологическая часть книги более удалась автору, нежели ее теоретическая. При этом мои «пристрастия» к книге определяются специфическим подходом к ней африканиста и кочевниковеда. Прежде всего хочется сказать о понятийном аппарате, вернее, о его терминологии. Для сегодняшнего уровня развития исторической науки используемые в книге некоторые термины представляются архаичными. Автор употребляет такие термины, как «родо-племенной строй», «родо-племенные отношения», «варварские структура и социальная организация», и т. п. Часто используемое определение «доклассовой» может относиться только к первобытнообщинной эпохе, а не к периоду VII—IX вв. (с. 189). «Родо-племенной строй» — устаревшее словосочетание. Если речь идет об общественной организации, то для обществ данного исторического уровня более корректно определение «племенная», а не «родо-племенная», или «родо-племенной строй». Социальные отношения следует трактовать не как «родо-племенные», а «патриархально-общинные». Общественную организацию кочевников уже давно в литературе предложено определять как племенную структуру с патриархально-генеалогической системой социальных связей⁹.

Устарели также и такие определения, как «советские» и «буржуазные» специалисты (с. 52). Сейчас уже широко принято использование в аналогичных случаях определений «отечественные» и «зарубежные».

Несколько слов об историографической части книги. Можно высказать сожаление, что доверяя и постоянно ссылаясь на многочисленные работы зарубежных ученых, В. В. Матвеев не учел основных достижений отечественных кочевниковедов, уже давно отбросивших идею «феодалистов» в связи с

новым подходом к кочевым обществам, а таких работ немало. Достаточно назвать имена С. И. Руденко, С. Е. Тольбекова, Г. Е. Маркова, С. И. Вайнштейна и др. Проблема типологии, как и теория номадизма, в целом имеет прямое отношение к данному исследованию по Северной Африке.

Отечественные же работы по кочевниковедению в данном исследовании по большей мере отсутствуют. В результате автор делает странный для этнолога и историка вывод, что социальная организация в среде оседлых и в среде кочевников «может быть определена как система больших семей, патронимия, организованных в псевдородственные, построенные якобы на генеалогическом принципе, а в действительности... территориальные объединения у оседлых и такие же псевдородственные родовые и племенные объединения у кочевников... В сущности социальная организация тех и других чрезвычайно близка» (с. 109).

Очевидно, автор понимает «родство» как кровное, хотя в основе социальной структуры этих обществ лежит система связей социальных, а не кровных. Нельзя согласиться и с утверждением автора о «якобы» генеалогическом принципе. На этом реально существующем принципе построена вся племенная горизонтальная структура кочевого общества. Совсем другое дело, что родство это не кровное, а генеалогическое, т. е. псевдородство. И ничего похожего мы не найдем в обществах оседлых земледельцев, где поселения — это территориальные общины, доступ и выход в которые свободен, в отличие от кочевых объединений на генеалогическом принципе, который определяет принадлежность индивидов и групп к соответствующим звеньям социальной структуры навечно и неизменно¹⁰.

В. В. Матвеев положительно воспринимает широко принятую сейчас концепцию номадизма Г. Е. Маркова. Однако нельзя не обратить внимание на неточности в изложении автором книги некоторых важных теоретических позиций создателя новой теории номадизма. Прежде всего работы Г. Е. Маркова не являются «развитием», как пишет В. В. Матвеев, точки зрения С. Е. Тольбекова, В. Ф. Шахматова, С. И. Ильслова (с. 118), писавших о феодальном характере собственности на скот у кочевников. Автор избежал бы этой неточности, если бы внимательнее ознакомился с отечественными работами по номадизму, в частности со статьями Г. Е. Маркова «Скотоводство и кочевничество. Дефиниции и терминология»¹¹ и Б. В. Андрианова и Г. Е. Маркова «Хозяйственно-культурные типы и способы производства»¹². Все работы Г. Е. Маркова по номадизму (а они сводятся не только к одной упомянутой в данной книге работе «Кочевники Азии»¹³) — это пример не «развития», а научного преодоления «феодалистского» подхода к характеру собственности в кочевых обществах на средства производства, а также теоретической разработки исторической формы номадизма как особого способа производства. Известный отечественный кочевниковед не «в общем», а в целом отрицает наличие феодальных отношений у номадов, а это не одно и то же.

В. В. Матвеев верно отмечает, что точки зрения о феодальном характере землевладения (Л. П. Потапов, А. И. Першиц) опираются на данные XVIII—XX вв. (с. 118). Однако в подобных случаях ошибка, причем, историческая, заключается в том, что немало авторов по номадам, опираясь на поздние данные, претендуют на историческое обобщение. Основываясь на поздних материалах они фиксируют наличие феодализма у всех кочевников, распространяя эти отношения на весь долгий путь номадных обществ.

Г. Е. Марков и ряд других исследователей определяют поздний период кочевых обществ как этап разложения кочевничества в условиях перехода номадов к оседлости, к другим хозяйственно-культурным типам, когда их уже невозможно квалифицировать как кочевые общества. Это важнейшее научное положение в кочевниковедении подтверждают многочисленные работы современных отечественных исследователей — Г. Е. Маркова, Ю. И. Семенова, С. И. Вайнштейна, Д. Кшибекова, А. Оразова, Н. Э. Масанова и др. Очевидно, что там, где оказывается возможным обнаружить феодализм, т. е. монопольное сословное (классовое) владение землей с передачей ее как средства производства по сословному наследству, и массу зависимых держателей этой земли — крестьян, там отсутствует номадизм как хозяйственно-культурный тип и как способ производства. В этом и заключается точка зрения Г. Е. Маркова и сторонников его концепции.

В связи с этим совсем уж некорректно звучит высказывание В. В. Матвеева: «...Общества кочевников должны быть квалифицированы как находящиеся на стадии перехода от доклассовых к классовым, как это и делает Г. Е. Марков» (с. 119). Ничего подобного ни в одной из своих работ Г. Е. Марков не утверждал. Наоборот, красной нитью, начиная с ранних его публикаций, проходит один из основных его тезисов о туниковом характере номадных обществ, не имеющих в силу экстенсивности этого способа производства внутренних стимулов, механизмов для дальнейшего развития этих обществ. Он утверждает, что как только номады переходят к интенсивным формам хозяйствования, они перестают быть номадами, и дальнейшее развитие по любому (классовому) пути происходит уже в ином обществе с другим хозяйственно-культурным типом. Остается лишь посетовать, что В. В. Матвееву даже его глубокая востоковедческая база не позволила избежать известной некорректности и неточности в ряде его теоретических положений и в понимании основ теории номадизма.

В частности, трудно согласиться с его утверждением, что для кочевого общества, для коллектива племени «его территория...его земля... сохраняла племенное единство... это означало собственность коллектива... племени на землю» (с. 119—120). Номады двигались со своими стадами по огромным пространствам и кочевали по маршрутам, а не по площадям земельных территорий, границы которых для племенных подразделений кочевых скотоводов всегда были условны, они зависели от разных факторов — природно-климатических, традиционно-культурных и политических. Более точным представляется, что не земля создавала «единство племени», а общность интересов в сообществе, способ добывания жизненных средств, одинаковая возможность воспроизводства жизни коллектива, т. е. единый образ жизни, что находилось в полном соответствии с племенной общественной организацией номадов, состояние которой (по В. Кеннгу и Г. Маркову) было в зависимости от условий среды «общинно-кочевым» или «военно-кочевым» (например, монголы, империя Чингиз-хана, скифы)¹⁴.

Номады свободно использовали свои племенные территории, границы которых постоянно, хотя и медленно, передвигались. И в этом смысле никак нельзя связывать, как это делает автор книги, с «собственностью племени на землю» постоянные вооруженные разборки разного социального уровня групп номадов за место у источника, за лучший участок пастбища и т. д. (с. 120). В подобных случаях у кочевников реализовалось право первооселенца, а не собственника, что было характерно для всех номадов.

Существенно, что автор книги усомнился в правильности перевода и толкования ряда терминов из арабских источников, в частности, обозначающих лиц, владевших стадами домашних животных, как «феодалов». Он сумел, хотя и не всегда, избежать часто встречающихся в литературе ошибки, когда называемые в источниках в связи с общественными отношениями кочевников социальные термины (нойоны, ханы, султаны, князья и пр.) трактовались с точки зрения отношений, существовавших в земледельческих обществах, тогда как на деле для кочевников они имели совершенно другой смысл. Нередко совершенно произвольно переводились те или иные термины, например нойон-князь и др., после чего без доли сомнения объявлялось о наличии феодальных отношений в этих кочевых обществах. В результате временные лидеры и просто богатые скотоводы в литературе назывались «князьями», «феодалами» и т. д. Подобный подход, кстати, был весьма удачно подвергнут критике К. Марксом. Он писал: «Испанцы (писатели) оставили нам по вопросу о землевладении у южных племен невероятную путаницу. В неотчуждаемой общей земле, принадлежавшей общине, они видели феодальное владение, в вожде — феодального сеньора, в людях — его вассалов»¹⁵.

В. В. Матвеев не пошел по подобному ошибочному пути и, солидаризируясь с Г. Е. Марковым, увидел в его концепции «средство для понимания кочевого общества в Северной Африке» (с. 119).

Необходимо отметить ошибочное, с моей точки зрения, утверждение В. В. Матвеева о том, что в среде кочевых берберов в процессе разложения «родо-племенных» отношений происходило «приспособление их к отношениям классовым» (с. 123). Даже если автор имел в виду часть оседавших кочевых берберов (хотя из текста книги это неясно).

Дело в том, что «родо-племенные» отношения нельзя «приспособить» к классовым отношениям. Последние, о которых пишет В. В. Матвеев, как представляется, действительно могли складываться в городах Северной Африки, где происходило оседание части кочевых берберов, полный переход их к яному хозяйственно-культурному типу и образу жизни. Одни из оседавших на земле богатели, постепенно формировали в новой для них социальной структуре зажиточный слой, добивались общественной власти, создавали из своей среды ведущие династии и пр. Однако все эти процессы и явления опять же означают для этой части кочевых берберов лишь одно — конец их номадизма как способа производства, в недрах которого как тупиковой исторической формы не может сложиться классовая структура. Собственность на землю как главное средство производства — основа классового общества может сложиться только при фиксированных территориальных границах, а это, в свою очередь, возникает только в условиях оседлости.

Номадизм же — это не только экстенсивные средства производства, но и экстенсивные социальные отношения, т. е. их система не изменяется ни в пространстве, ни во времени у номадов, она лишь воспроизводится в обществе кочевников в том же виде от поколения к поколению. В хозяйственно-культурном типе кочевников нестабильны и негарантированы жизненные средства, не обеспечен прирост средств производства, неизменны принадлежность каждого номада к звеньям социальной структуры. Богатство или бедность номада не зависят от его принадлежности к сословию. Эти оба состояния нестабильны, случайны и могут быстро изменяться.

Обращаясь то к кочевым берберам, то к части оседавших в городах и оазисах, В. В. Матвеев, к сожалению, нечетко их разграничивает, а потому, скорее всего, не учитывает, что появление «классов» в обществе берберов — это распад кочевничества. Напомним, что у номадов никогда не было «предклассовых» отношений, как пишет автор, так как кочевые общества «классовыми» стать не могли. В этом вся логика их существования как социальной формы. Таких примеров в истории номадов нет. Их отношения можно определить только как «общинно-номадные», причем социально дифференцированные, хотя в этих обществах не было устойчивых, четких, наследственно воспроизводившихся по сословной принадлежности социальных слоев. Принадлежность к зажиточному слою была индивидуальной, случайной и негарантированной ни социально, ни политически, ни экономически, ни природно.

Завершая свое исследование раннего периода арабского завоевания Северной Африки, В. В. Матвеев делает заключение, что основой эксплуатации здесь была государственная собственность на землю, что берберское общество сохранило при этом сильные пережитки «родо-племенных» отношений, что это был первоначальный этап сложения феодальных отношений, а руководящая прослойка общества в Северной Африке продолжала сохранять общий характер традиций общества кочевого (с. 189).

Из-за нечеткости изложения можно лишь догадываться, что речь идет об осевших в городах берберов, но никак не о продолжавших вести кочевой образ жизни берберах-скотоводах. Тогда что же такое «общий характер традиций общества кочевого»? Нельзя же представить, что живя оседло в городском обществе, те же берберы одновременно продолжали кочевать со стадами верблюдов по степи вдаль от областей оседлого земледельца?! Если вспомнить исторические примеры, то стоит обратиться к курдам, которые в незапамятные времена, кочуя со стадами по пустыням и ведя номадный образ жизни, спорадически подходили к оазисам, где в городах и их окрестностях также проживали курды-земледельцы, которые вели оседлый образ жизни, у них был хозяйственно-культурный тип земледельцев, совершенно другая социальная структура, нежели у курдов-кочевников, и ничего общего, кроме этнической принадлежности к курдскому народу, у кочевых и оседлых курдов тогда не имелось.

Возможно, что в Северной Африке среди этноса берберов мы имеем аналог курдам. Тогда все становится на свои места, и противоречие снимается.

Неясна роль кочевников в государствах Рустамидов и Идрисидов (с. 250). Если их социально-политическая структура, как пишет автор книги, — последний этап развития «родо-племенных отношений» полукочевых скотоводческих племен, тогда почему автор определяет их как «раннеклассовые»? Представляется, что точнее их определять как «варварские», но не как синонимы «раннеклассовые» и «варварские», что мы видим на с. 250, 253 и др.

Несмотря на отмеченные недочеты, а порой и противоречивые высказывания в исследовании, в науку входит книга, которую следует оценить как новаторское достижение автора. Собранные и проанализированные В. В. Матвеевым многочисленные данные настолько красноречивы, логика их такова, что они и привели ученого к солидарности с новой научной концепцией номуадизма как особого способа производства, ничего общего не имеющего с феодализмом. Изучение огромного свода данных из арабских источников позволило В. В. Матвееву прийти к совершенно новому научному выводу, что «в VII—IX веках ... феодальных отношений в Северной Африке нигде еще не было» (с. 253). Этот вывод безусловно, крупное научное достижение. Его оценят прежде всего африканисты, арабисты, этнологи и историки.

Не менее важен для науки и вывод автора о том, что кочевые общества берберов в Северной Африке невозможно определить как «феодальные», что делалось до сих пор в литературе (с. 250, 253). Автор аргументированно показал, что кочевые общества Северной Африки в средневековье имели племенную структуру, систему патриархально-генеалогических связей, что они не могли иметь собственности на пастибщные земли, что в конечном итоге у них не было «классов». Все эти позиции автора книги, вовлеченные в орбиту его исследования обширные материалы арабских источников служат подтверждением теории номуадизма как особого способа производства в неклассовых кочевых обществах с патриархально-племенной социальной структурой. Кочевниковедение, таким образом, получило в научный обиход ценный труд отечественного ученого.

Уже давно широко в отечественной и зарубежной науке известен изданный в нашей стране корпус арабских источников по этнографии и истории Африки¹⁵. Это серия капитальных трудов, у истоков разработки которых стояли такие крупные ученые и организаторы науки, как Д. А. Ольдерогге и В. И. Беляев. Они были и вдохновителями, и редакторами этих сводов древнейших сведений арабских авторов о бесписьменных народах Черного континента. Известно, что наибольшая доля труда по выявлению, сбору, переводу и комментированию арабских текстов в этом издании принадлежат В. В. Матвееву, известному африканисту и востоковеду.

Трудно переоценить значение введенного в научный оборот корпуса древних сведений по этнографии, истории и другим сторонам жизни народов Африки, о которых до европейского знакомства с ними вообще мало что было известно.

Издание В. В. Матвеева уже не раз использовалось различными учеными в работах у нас и за рубежом.

Вместе с тем, думается, что еще далеко не исчерпан кладезь материалов из арабских источников для воссоздания культуры народов Африки. И подтверждением тому служит новая книга В. В. Матвеева «Средневековая Северная Африка». Прочтение автором труда огромной массы арабских текстов дало В. В. Матвееву не только материал для воссоздания этнической истории обширного региона Северной Африки. Сравнительный анализ этих данных привел исследователя к совершенно новому в этнологии подходу к формальной оценке характера кочевых обществ Северной Африки, участвовавших в процессах, проходивших здесь еще до арабского завоевания и позднее.

Книга В. В. Матвеева не только значительный новаторский вклад в этническую историю аборигенных народов Северной Африки, в политическую и социальную историю Халифата. Еще раз хочется отметить, что это серьезный труд в области изучения кочевничества как одного из ведущих направлений в этнологии.

Примечания

¹ Марков Г. Е. Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1967; *его же*. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография (далее — СЭ). 1970. № 6; *его же*. Кочевники Азии. М., 1976; Markov G. Die Wirtschaftliche und gesellschaftliche Struktur der Nomadenwichtzucker-Völker Asiens // Abhandl. und Ber. Staatlichen Museums Völkerkunde Dresden; B., 1970. Bd. 31; Die Dynamik der gesellschaftlichen Organisation bei den Nomaden Asiens // Jahrg. Museums Völkerkunde. Leipzig, 1972. Bd. 23.

² Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии // IX Междунар. конгр. антропологических и этнологических наук. Чикаго. Сентябрь 1973. М., 1973; *его же*. Некоторые проблемы истории хозяйства и культуры илотанских туркмен // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973; *его же*. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей // Расы и народы. Т. 4. М., 1974; Markov G. Problems of Social Change among the Asiatic Nomads // The Nomadic Alternative. The Hague; Paris. 1978; Нурмухаммедов К. К вопросу о земле — водопользовании туркмен Ахала в XIX — начале XX в. // Уч. зап. Туркм. Гос. ун-та Вып. 57. Ашхабад, 1970; Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. // Вестник МГУ. Сер. История. 1961, № 6; Язлыев Ч. Динамика племенной организации мургабских туркмен на рубеже XIX—XX веков // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX — начала XX в. Ашхабад, 1982; *его же*. Водоземельная община у туркмен (XIX — начала XX в.). Ашхабад, 1989.

³ Аргынбаев Х., Марков Г. Е. Кочевники Азии // Изв. АН КазССР, сер. обществ. наук. 1977, № 4;

Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И., Марков Г. Е. Кочевники Азии // СЭ, 1977. № 5; Першиц А. И., Марков Г. Е. Кочевники Азии // Вопр. истории, 1978, № 5; Хазанов А. М., Марков Г. Е. Кочевники Азии // Народы Азии и Африки, 1978, № 3; Lattimore O., Markov G. The Nomads of Asia // Man. Vol. 13. 1978.

⁴ См. материалы дискуссии по кочевничеству: СЭ. 1981. № 4; 1982. № 2.

⁵ Марков Г. Е. Образ жизни туркмен в XIX — начале XX века // Вопр. истории. 1983. № 2; его же. К изучению проблемы кочевых племен // Вопр. истории Казахстана на рубеже XVIII и XIX веков. Алма-Ата, 1984; Викторин В. М. Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Философские проблемы государства и права. Вып. 5. Саратов, 1988; Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопр. истории. 1990, № 8; Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991; Крадин Н. Н. Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Язлыев Ч. Туркменская сельская община. Ашгабад, 1992; Калиновская К. П., Крадин Н. Н. Кочевые общества // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1994. № 4.

⁶ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1983. № 5; Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М., 1989; Калиновская К. П., Марков Г. Е. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6; Калиновская К. П., Марков Г. Е. Динамика хозяйственно-культурных типов и социальных отношений в туркменском обществе в позднем средневековье // Проблемы средневековой истории Туркменистана. Ашгабад, 1993; Markov G. E. Les sociétés traditionnelles d'Asie Centrale // Cahiers du Monde russe et soviétique. V. XXXI. P., 1990.

⁷ См.: Матвеев В. В. Средневековая Северная Африка.

⁸ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии.

⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии; Материалы дискуссии по кочевничеству в СЭ. 1981. № 4 и СЭ. 1982. № 2.

¹⁰ См. указанные выше работы Г. Е. Маркова, Ю. И. Семенова, С. И. Вайнштейна, К. П. Калиновской, Н. Э. Масанова и др.

¹¹ Марков Г. Е. Скотоводство и кочевничество. Дефиниция и терминология // СЭ. 1981. № 4.

¹² Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопр. истории. 1990. № 8.

¹³ См. список основных работ Г. Е. Маркова // ЭО. 1993. № 3.

¹⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии; König W. Die Achal-Teke. В., 1962.

¹⁵ Маркс К. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. С. 49. 1941.

¹⁶ Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и перевод Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.; Л., 1960; Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и перевод В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.; Л., 1965.

© 1996 г., ЭО, № 4

David Hollinger. Postethnic America. Beyond multiculturalism. N. Y. 1995. 210 p.

Первое, что бросается в глаза каждому, кто приезжает в США, — необычайное многообразие человеческих типов, различающихся как физическими особенностями, так и манерой одеваться, стилем поведения, диалектными особенностями и пр. Все это не только восхищает, поражает, но и настораживает, вызывает недоумение: как Америка справляется с этим многообразием, какую роль в США играют культурные особенности, что позволяет им сохраняться в этом «кипящем котле», как учитываются права меньшинств в демократическом обществе, в частности как они соотносятся с правами человека? От взгляда вдумчивого наблюдателя не скроется то, что, несмотря на значительный прогресс в этой области в последние десятилетия, вопрос не может считаться исчерпанным. Американское общество далеко не идеально, но оно высоко динамично и находится в постоянном поиске наилучшей модели, позволяющей гармонизировать разнообразные интересы, как индивидуальные, так и групповые.

Именно с этой точки зрения большой интерес представляет новая книга Дэвида Холлингера, профессора Калифорнийского Университета (Беркли), известного исследованиями, посвященными американской интеллигенции. С первых страниц становится очевидной обеспокоенность автора состоянием того, что в нашей науке принято называть сферой межнациональных отношений (см. с. 79—80, 141 сл.). Действительно, значительные изменения, происшедшие в США после мощных негритянских волнений 1960-х годов породили, в частности, установку на так называемый мультикультурализм, который был с энтузиазмом воспринят в 1980-х — начале 1990-х годов. По замыслу его сторонников идеология и практика мультикультурализма должны были, с одной стороны, способствовать развитию культурных особенностей (причем не только этнических), а с другой — воспитывать в людях высокую толерантность и уважение к чужим традициям. В соответствии с этим появилось множество различных культурных обществ, стали проводиться фольклорные фестивали, возрос интерес к истории отдельных общин и т. д. Наряду со всем положительным, что принесло это движение, оно имело и достаточно